

А.Б. Сотин

ПОИСК ОРИЕНТИРОВ:
ВОСТОЧНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ
ЭНТОНИ ДЖЕНКИНСОНА 1557–1572 гг.

Эпоха Великих географических открытий, значительно расширившая круг культурных связей европейских народов, породила новые и весьма непривычные условия для поиска их собственной идентичности, а также путей взаимодействия с носителями чужих традиций. Для путешествующего европейца эпохи Возрождения общение с иноземцами постепенно приобретало черты профессионального навыка и даже самостоятельного искусства. Поиски межкультурного диалога в XVI в. дают нам немало образцов подобного профессионализма.

Одним из примеров соприкосновения двух культурных традиций, прежде изолированных друг от друга, может служить сближение Англии и Московской Руси, многим обязанное путешественнику, купцу и дипломату Энтони Дженкинсону (ок. 1530–1610/11 гг.). Его отличала подвижность, необычная даже для эпохи Великих географических открытий. Как следует из его записок, с 1546 по 1572 г. он посетил почти все страны Западной Европы, Средиземноморья и Ближнего Востока, побывал в Лапландии, России, Средней Азии, Персии и на Кавказе¹.

Опыт продолжительных путешествий, и особенно успех в переговорах с турецким султаном Сулейманом I Великолепным в 1553 г., создали юному Энтони Дженкинсону, как в свое время и Сигизмунду Герберштейну, репутацию эксперта в вопросах восточной дипломатии, которому после этого можно было доверить даже посольство в малоизученную Московию. В качестве посла английских государей и агента Московской компании Энтони Дженкинсон четырежды (с 1557 по 1572 г.) побывал в России. В русских источниках он часто упоминается под именем Антона Янкина².

В 1553 г. английская экспедиция под командованием адмирала Хью Уиллоуби, состоящая из трех галеонов, направляется в Арктику на поиски северо-восточного прохода в Тихий океан, ведущего к берегам Китая и Индии. Однако единственный из уцелевших кораблей – «Эдуард Благое Предприятие» – достигает лишь берегов Белого моря. Тем не менее его капитан Ричард Ченслер решает добратся до Москвы, вступает в переговоры с царем Иваном IV и получает для своих земляков исключительно выгодные торговые привилегии. По его возвращении на родину в Лондоне в 1555 г. создается Московская компания, купцы которой и налаживают прочные связи между двумя государствами.

Осенью 1556 г. Ричард Ченслер погибает в море, возвращаясь из своей второй экспедиции в Московию. Теперь королева Мария Тюдор поручает Дженкинсону доставить обратно в Россию Осипа Григорьевича Непею – первого посла Ивана IV, посетившего Британские острова.

В июле 1557 г. они прибывают во владения русского государя на борту корабля «Примроуз». К Рождеству Дженкинсон привозит королевские грамоты в Москву. Иван IV, увлеченный идеей военного союза с Англией, при первой же встрече с Дженкинсоном оказывает ему высокие почести, несмотря на незнатное происхождение королевского посланца. Между тем Дженкинсон прежде всего заботится о торговых привилегиях для Московской компании. К тому же ему был поручен поиск юго-восточного сухопутного маршрута, ведущего в Индию и Китай, который в Лондоне рассматривали как альтернативу северо-восточному проходу в Тихий океан через арктические моря. И потому во время двух первых посольств в Москву (в 1557 и в 1561 гг.) главной задачей для Дженкинсона было получить у русского царя охранные грамоты к правителям соседних земель с просьбой о беспрепятственном проезде через их государства.

Весной 1558 г., имея на руках необходимые грамоты, Дженкинсон спускается вниз по Волге, пересекает Каспийское море и, высадившись на восточном побережье, караванными путями добирается до Ургенча и Бухары. Общаясь с местными правителями и купцами, Дженкинсон приходит к неутешительным выводам. Дальнейший путь в Китай занял бы еще девять месяцев, но воспользоваться им не позволяют затяжные военные конфликты, сделавшие торговлю с Китаем крайне рискованной и невыгодной.

Дженкинсон возвращается в Англию в 1560 г., застав на престоле уже не Марию, а ее сестру Елизавету. Составленный им отчет убеждает королеву и правление Московской компании поручить ему еще одну экспедицию на Восток.

В 1561 г. уже от имени Елизаветы I Дженкинсон обращается к Ивану Грозному с просьбой предоставить ему охранные грамоты для путешествия по Волге и Каспию в земли Персии и Ширвана (на территории современного Азербайджана).

Между тем идея использовать Россию для транзита восточных товаров вызвала энергичное противодействие главы Посольского приказа дьяка Андрея Щелкалова. Как следует из записок Дженкинсона, Щелкалов, стараясь сорвать экспедицию, пустил в ход все уловки московской бюрократии, включая проволочку, дезинформацию начальства, то есть самого Ивана Грозного, а также искаженную передачу повелений царя. Лишь год спустя, благодаря дружбе и протекции Осипа Непеи, Дженкинсон получил у царя охранные грамоты³.

Путешествие увенчалось успехом. Дженкинсону удалось установить прямые контакты между Англией и Персией, где он обнаружил самые благоприятные условия для вывоза шелка и других экзотических товаров. В 1564 г. Энтони Дженкинсон доставил в Лондон грамоты с торговыми привилегиями для Московской компании от персидского шаха Тахмаспа и ширванского правителя Абдалла-хана.

Таким образом, Дженкинсон на практике осуществил идею купцов Московской компании, стремившихся связать Северный морской, Волжский и Великий шелковый пути, минуя владения турок-османов, в то время как их португальским конкурентам приходилось закупать шелк в Персидском заливе, добираясь туда вокруг Африки.

Третье посольство Дженкинсона в Москву в 1566 г. принесло компании новые привилегии, которые, однако, были утрачены после бесплодного посольства Андрея Совина в Англию и резкого письма, написанного царем Елизавете I в 1570 г. Сближение двух держав, оживлявшееся поначалу взаимными иллюзиями, сменилось охлаждением.

Именно Дженкинсон королева в 1571 г. поручила сгладить последствия щекотливой размолвки. Общаясь с русским царем, он, как и раньше, занял обычную позицию английских послов, которые, по гневному замечанию Ивана Грозного, сводили все переговоры с ним к обсуждению «мужицких и торговых дел»⁴. В итоге привилегии, отобранные у английских купцов, были частично восстановлены. Однако царь явно остался разочарован этим посольством и окончательно убедился в нежелании Елизаветы I сковывать себя узами военного союза с далекой Россией⁵.

Но несомненно и то, что Энтони Дженкинсон прочно завоевал доверие Ивана Грозного, как и многих других восточных правителей. Впоследствии они не раз высказывали пожелание, чтобы из Англии для переговоров присылали именно его⁶. Ища их поддержки, он с готовностью брал на себя не только их дипломатические, но и торговые поручения. Так, в 1562 г. Дженкинсон по просьбе Ивана Грозного приобрел для него в Персии «драгоценные камни и шелковые материи разного цвета и вида»⁷, снискав его личную признательность и расположение.

Но особенно высоко Дженкинсона ценили за ту информацию об окружающем мире, которую он доставлял правителям отдаленных стран. Государственное устройство, уровень технического развития, обычаи и природа Англии и других знакомых ему стран не раз становились предметом долгих бесед дипломата с Иваном Грозным и другими монархами. При этом, чтобы не повредить успеху своей миссии, Дженкинсон крайне осмотрительно отбирал сведения, достойные рассказа, стараясь, чтобы собеседник всегда оставался доволен его ответами⁸.

Разумеется, самые подробные отчеты о своих путешествиях Дженкинсон представлял правлению Московской компании, собиравшему сведения о конъюнктуре местных рынков, предпочтениях и покупательной способности жителей отдаленных стран и наличии безопасных торговых путей.

Отчеты о путешествиях Дженкинсона на Восток были опубликованы Ричардом Хаклюйтом в 1589 г. в многотомном труде «Основные плавания, путешествия и открытия английской нации»⁹. Наделенный пронизательным практическим умом, Дженкинсон сумел составить емкий и многоплановый обзор увиденного. Его отчеты до сих пор остаются ценнейшим источником по истории и этнографии Руси, Средней Азии, Персии и Закавказья.

Описывая особенности природы, политического устройства и повседневной жизни изучаемых стран, он постоянно анализировал их готовность к торговым контактам с Англией, исходя из степени их экономического и культурного развития, уровня политической стабильности и гарантий безопасности для иноземного купца.

Сбор подобных сведений уже прочно вошел в деловую практику лондонских торговых компаний середины XVI в. Еще в 1553 г. инструкции Себастьяна Кэбота участникам экспедиции Хью Уиллоуби предписывали уделять особое внимание «продуктам и отрицательным чертам» посещаемых стран¹⁰ с тем, чтобы просчитать степень риска и его оправданность в каждом отдельном случае.

Перечисляя возможные препятствия на пути будущих экспедиций, Дженкинсон демонстрирует хорошее знание правил выживания в экстремальных природных условиях безлюдной зимней тайги или безводной пустыни¹¹. Так, побывав на Русском Севере, он предостерегает: «Тот, кто хочет путешествовать в этих краях, должен иметь с собою топор, огниво и котелок, чтобы добывать огонь и варить мясо, когда оно есть. В этих краях мало помощи от людей; ее можно получить только в горадах»¹².

Однако главную преграду для диалога между жителями различных стран он видит в несовершенстве человеческих обычаев. Военные раздоры, разбой на дорогах и вероломство в делах Дженкинсон объясняет неспособностью людей утвердить здравые и единые для всех правила общения, причем не столько вовне, сколько внутри обществ, закрытых для диалога.

Ведя переговоры от имени Елизаветы I, Дженкинсон был вынужден постоянно проверять на практике те принципы мироустройства, что были высказаны королевой в письме к персидскому шаху Тахмаспу от 25 апреля 1561 г. В нем, в частности, говорится: «По милосердию всемогущего Бога, если какие-нибудь народы отделены один от другого не только неизмеримым простором морей, но и самими

частями небесного свода, то все же эти народы могут легко сообщать друг другу при помощи письма свои продуманные мысли и рассуждения, оказывать услуги, вытекающие из общего человеческого чувства, и делиться результатами взаимного понимания»¹³.

Бережно обходя подводные камни религиозных разногласий, английская правительница взывает к требованиям здравого смысла, обладающим в ее глазах чертами всеобщего закона, применимого ко всем представителям человеческого рода. Взаимоотношения с жителями отдаленных держав она предлагает строить на том основании, что «права священного гостеприимства и добрые общечеловеческие услуги могут быть доброй волей установлены, искренно поддержаны и твердо соблюдены»¹⁴.

Разумеется, привычные правила христианского общежития представляются Дженкинсону наиболее адекватным средством достижения согласия – как между отдельными личностями, так и между целыми народами. Нравственная незрелость общества, по его наблюдениям, одинаково пагубно сказывается как на внутренней жизни страны, так и на характере внешних контактов.

Так, в 1558 г. он с горечью пишет о землях Астраханского ханства, только что покоренных Иваном IV и разоренных продолжительной войной: «Во время моего пребывания в Астрахани население страдало от сильного голода и мора; в особенности они свирепствовали среди татар и ногайцев, которые в это самое время пришли сюда в большом числе, чтобы отдаться своим врагам русским и искать их помощи вследствие того, что... вся страна их была опустошена. Однако их плохо приняли и мало им помогли: большое число их умерло от голода... В это время было бы легким делом обратить в христианскую веру этот беззаконный народ, если бы сами русские были добрыми христианами: но как могли они выказать сострадание к другим народам, когда они так немилосердны к своим собственным соотечественникам?»¹⁵

В эпоху Возрождения и раннего Нового времени европейские путешественники единодушно признавали отличительной чертой московитов пренебрежение к житейским удобствам, да и к ценности самой жизни¹⁶. «По моему мнению, – утверждал Ричард Ченслер, – нет другого народа под солнцем, который вел бы такую суровую жизнь»¹⁷.

Эту спартанскую суровость обычаев Августин Майерберг объяснял стремлением властей воспитывать народ «в полном повиновении, в перенесении трудов и в умении побеждать в битвах»¹⁸. Между тем еще Сигизмунд Герберштейн сомневался, можно ли винить в таком состоянии нравов одних лишь московских правителей, и задавался вопросом: «То ли народ по своей грубости нуждается

в государе-тиране, то ли от тирании государя сам народ становится таким грубым, бесчувственным и жестоким...»¹⁹ Впрочем, подобно другим европейским авторам, он еще отделяет «москвитов» как культурную общность от жителей других русских областей, таких как Псков и Новгород, чьи «просвещенные и даже утонченные обычаи», тем не менее, постепенно деградируют под влиянием «московской заразы»²⁰.

Как следует из многих иноземных записок о Московии, подобное ожесточение местных нравов одинаково притупляло вкус и к житейским радостям, и к новым познаниям²¹. А ведь именно тяга к удобствам и приятному личному досугу являлась одним из главных движущих мотивов в культуре Возрождения.

Но при московском дворе даже чрезмерная роскошь оставалась лишь внешним свидетельством престижа и, по наблюдениям англичан, никак не отражалась на уровне комфорта в повседневной жизни царя и его приближенных. «Когда русских посылают в далекие чужеземные страны или иностранцы приезжают к ним, то они выказывают большую пышность. В других случаях сам великий князь одевается очень посредственно... – записывает в своем дневнике Ричард Ченслер. – Я никогда не слышал и не видел столь пышно убранных людей. Но это не их повседневная одежда; как я уже сказал выше, когда у них нет повода одеваться роскошно, весь их обиход в лучшем случае посредственный»²². Сам Дженкинсон с удивлением отмечает, что москвиты наслаждаются, поедая разнообразные, но довольно грубые блюда²³.

Тем не менее Дженкинсон, как прирожденный дипломат, избегает назиданий, пользуясь в общении с жителями Руси и мусульманских стран общедоступным языком торговли и практической выгоды. В каждой из этих стран он с позиций торговца изучает быт и культуру досуга, уровень развития которых говорит ему о степени зрелости местных рынков и возможности сбыта западных предметов обихода. Впрочем, жители отдельных областей, включая местных купцов, по его словам, «так нищенски бедны, что не стоит об этом и писать, так же как и не стоит надеяться, что торговля здесь будет стоить того, чтобы ее продолжать»²⁴.

Его оценки местных реалий, подчиненные стройной логике исследователя и коммерсанта, в корне отличаются от крайне эмоциональных и часто негативных впечатлений праздных наблюдателей, подобных Джорджу Турбервиллю, молодому поэту и посольскому секретарю, не слишком подготовленному к путешествию в Россию²⁵. Наибольшее внимание Турбервилль уделяет описанию местных курьезов и личных переживаний. Тем не менее в своих стихотворных посланиях он дает яркий образ политического строя Московии – «ди-

кой земли, где законы не властны, но все зависит от воли короля... где страсть является законом... где лучшие сословия не имеют надежной гарантии в сохранности земель, жизнью, а неимущие расплачиваются кровью»²⁶.

Тем временем Дженкинсон даже в такой обстановке продолжает преследовать отчетливые практические цели. Полагаясь лишь на свои силы, он вынужден искать собственный подход к преодолению местных проблем и действовать, сообразуясь с природой и политическим климатом изучаемой страны.

Он также отмечает протivoестественную концентрацию власти в руках московского самодержца, сообщая в отчетах: «Свой народ он держит в большом подчинении; все дела, как бы незначительны они ни были, восходят к нему»²⁷. Однако, изучив ситуацию на месте, Дженкинсон оставляет ее на совести местного населения, умело используя авторитет государя для осуществления собственных планов. Он признает, что порядки, установленные Иваном Грозным, благотворно сказываются на некоторых сферах жизни, например, на безопасности торговых путей. Говоря о волоке в степи между Волгой и Доном, он замечает, что это место «очень опасно из-за воров и разбойников; однако в настоящее время, вследствие завоеваний русского царя, оно не так страшно»²⁸.

Причин для опасения у путешествующего иноземца, а главное – иноверца, было достаточно. Жизнь европейца в Московии, особенно жестко регламентированная в столице, оберегала его, тем не менее, от многих опасностей, включая произвол мелкой бюрократии. К тому же в путешествиях по Средней Азии, как утверждал Дженкинсон, без охранных грамот русского царя его «обратили бы в рабство в любой стране»²⁹. Незащищенным торговым путям здесь постоянно угрожали отряды разбойников. По его наблюдениям, в этих землях «верные и мирные люди путешествуют только караванами, в которых много верблюдов, а потому свежие следы лошадей без верблюдов внушают сомнение»³⁰.

Но точно так же Дженкинсон прибегал к покровительству любых других лиц, которые пользовались авторитетом среди местного населения. Так, по пути в Бухару его жизнь дважды спасала стойкость попутчиков – мусульманских подвижников, вступавших в переговоры с разбойниками, когда те требовали выдачи «неверных» у своих единоверцев, шедших с британцами в одном караване или на одном корабле³¹.

В свою очередь, Дженкинсон с готовностью включался в решение местных проблем, своим посильным участием завоевывая доверие спутников. Так, направляясь в Бухару вместе с большим караваном, он вместе с другими отражал разбойные нападения³², а на об-

ратном пути вызволил из рабства 25 русских подданных, которых в 1559 г. доставил ко двору Ивана Грозного³³.

Практическая деятельность в столь экстремальных условиях требовала и от купца, и от королевского посла готовности к неожиданным ситуациям и нестандартным решениям, знания языков и обычаев разных стран, а также владения новейшими приемами географического ориентирования. Дженкинсон совмещал сразу несколько видов деятельности, и объединяло их только то, что все они требовали от человека перечисленных навыков. Эти довольно редкие навыки высоко ценились и оплачивались правителями и частными нанимателями. Причем теперь они уже не просто служили средством к достижению меркантильных целей путешествия, но постепенно обретали характер особого искусства.

Начавшееся колониальное освоение новых земель дало миру совершенно новую породу людей. Отныне «профессиональный путешественник», легко сочетающий научные исследования с дипломатией и торговлей, становится той самостоятельной культурной единицей, которая определит характер всей последующей европейской экспансии.

Сочетание разносторонних способностей, навык автономного путешествия и гибкость ума, необходимая для свободной ориентации в географическом пространстве и в диалоге с местными жителями, не только спасали ему жизнь, но и делали его неоценимым экспертом в вопросах межкультурных контактов. Именно эта среда сформировала классические примеры чиновников колониальной администрации XIX в., с той только разницей, что каждый из них специализировался в довольно узкой сфере деятельности в отличие от путешественников XVI в. с их несколько поверхностным «энциклопедизмом».

Географические открытия европейцев конца XV – начала XVI в., привели к фундаментальным изменениям в общепринятой картине мира. Они высвободили колоссальную энергию исследователей, стремившихся быстрее применить на практике новые географические концепции, универсальность которых проверялась в ходе экспедиций. Путешествие по земному шару в новой, еще не вполне сложившейся системе координат превращалось в непрерывный эксперимент, обострявший внимание к тем принципам ориентации или поведения, на которые можно было положиться в любой точке мира.

Теперь свободное перемещение по земной поверхности требовало от путешественника особой открытости и гибкости сознания. Навигационная практика сама по себе ставила перед ним задачи, осуществимые лишь при помощи развитого воображения, способного опе-

ризовать абстрактными астрономическими и географическими понятиями. Дженкинсон вспоминает, какое изумление у среднеазиатских купцов вызвала его способность «вслепую» – а на самом деле, следуя небесным ориентирам, – вернуться в точку у побережья Каспийского моря, где на малой глубине лежал якорь, потерянный ими во время недавнего шторма³⁴.

Экспедиции Московской компании с самого начала задумывались при участии таких выдающихся ученых, как математик, астроном и астролог Джон Ди и его друг голландский географ Герард Меркатор. Именно они подготовили первую плеяду блистательных английских штурманов, самым одаренным среди которых считался Ричард Ченслер.

Джон Ди вооружал их новейшими навигационными методиками и приборами, доставленными из Лувенского университета³⁵. Меркатор, в свою очередь, снабжал агентов компании детальными инструкциями, обозначая в них задачи географических исследований, осуществимых только в ходе экспедиций и необходимых для проверки его теоретических моделей³⁶. При составлении карт Герарда Меркатора, определивших все дальнейшее развитие картографии, использовались в том числе и материалы экспедиционных отчетов Московской компании.

«Информационный взрыв», порожденный эпохой Великих географических открытий, потребовал адекватных способов фиксации накопленных сведений. Необходимость в систематизации этих сведений одновременно с широким распространением гравированных карт приводят к стремительным переменам в европейской картографии. На смену схематизму в передаче географических очертаний приходит стремление к математической точности. При этом легенда карты предельно расширяется за счет сведений энциклопедического характера. В итоге подобная «космография», т.е. не столько «изображение», сколько «описание» мира, становится универсальным носителем информации о Земле, ее населении и природе, а изучение и расшифровка такой карты, по выражению исследователей, превращается «в увлекательное и неистощимое духовное приключение»³⁷.

В 1570 г. вышел в свет первый географический атлас – собрание самых авторитетных карт того времени, изданное Абрахамом Ортелием под названием «Зрелище мира земного». Атлас Ортелия подводил итог почти столетней истории развития географии со времен Колумба и впервые давал столь подробный и всеобъемлющий взгляд на поверхность земного шара. Малодоступные для европейцев области в сердце Евразии в этом собрании отображала карта Энтони

Илл. 1. Карта Э. Дженкинсона «Описание России, Московии и Татарии» из атласа Абрахама Ортелия «Зрелище мира земного» 1570 г.

Дженкинсона под названием «Описание России, Московии и Татарии», впервые опубликованная в Лондоне в 1562 г.

Во время экспедиции в Бухару в 1558–1560 гг. Дженкинсон определил географическую широту целого ряда населенных пунктов³⁸. Вернувшись в Англию, он сразу же приступил к составлению карты России, оригинал которой, к сожалению, не сохранился. Эта карта нам известна по двум более поздним изданиям³⁹.

Первый вариант, представленный в атласе Ортелия, охватывает пространство от Балтики до Аральского моря и от Белого моря до Каспия. В юго-восточном углу карты Дженкинсон помещает комментарий, задающий направление дальнейшим географическим поискам в этом регионе: «Каскара (Кашгар. – А.С.). В 30 днях пути отсюда начинаются границы Китайской империи. От этих границ до Камбалу⁴⁰ путь продолжается 3 месяца»⁴¹.

Вторая дошедшая до нас карта Дженкинсона, включающая лишь изображение Московии, вошла в атлас Герарда де Йоде «Зеркало мира земного», изданный в 1578 г. (илл. 2). По мнению исследователей,

Илл. 2. Карта Московии Э. Дженкинсона из атласа Герарда де Йоде «Зеркало мира земного» 1578 г.

она должна была иметь больше сходства с оригинальной картой Дженкинсона, нежели карта Ортелия⁴².

В свое время Б.А. Рыбаков высказал предположение, что карта Дженкинсона восходит к русскому чертежу 1497 г., безнадежно устаревшему и лишь потому, вероятно, попавшему в руки к иностранцу⁴³. Однако совершенно очевидно, что, собирая в пути информацию, Дженкинсон с равным вниманием относился ко всем доступным ему видам источников.

Гораздо подробнее о его заимствованиях пишет Лео Багров, выдающийся специалист по истории картографии. Исследователь обращает внимание на то, что карта, опубликованная Ортелием, богато декорирована миниатюрными жанровыми сценками и изображениями животных. Примечательно, что миниатюры и подписи к ним сгруппированы в восточной части карты, отображающей малоизученные районы Азии почти без подробностей и с нарушением настоящих пропорций. По предположению Л. Багорова, сопоставившего ранние издания карты друг с другом, это можно объяснить желанием Ортелия расширить карту Дженкинсона за счет собственных устаревших материалов и добавить к ней ряд восточных территорий, «чтобы она соответствовала формату и общему плану атласа», которому не доставало отдельной карты Центральной Азии⁴⁴.

Путем дальнейших сопоставлений исследователь приходит к выводу, что при создании своей карты Дженкинсон использовал сразу несколько источников. Два из них очевидны: северные области перерисованы с карты Уильяма Борроу, сделанной во время арктической экспедиции 1556 г., тогда как южные и восточные – с карты, выполненной в Вильно в 1542 г. художником Антоном Видом со слов русского боярина Ивана Ляцкого, бежавшего в Литву от преследований в годы правления Елены Глинской. Напечатана карта Вида была в 1555 г.⁴⁵ По мнению Л. Багорова, лишь очертания среднего и нижнего течения Волги на карте из атласа Ортелия отражают наблюдения самого Дженкинсона⁴⁶.

Как и многие его современники, Дженкинсон в определенном смысле принадлежал еще к средневековой географической традиции. Эта инерция сказывалась, в частности, в его готовности использовать картографические материалы авторитетных предшественников, не ставя их под сомнение.

Да и сама идея лондонского купечества восстановить привычные связи со странами Шелкового пути прямо продолжает традиции европейского Средневековья с его устремленностью на Восток (лат. *oriens, orientis*), находившей отражение в архаичной «ориентации» географических карт не на север, а на восток, т.е. не на Полярную звезду, а на восход солнца.

Тем не менее за спиной у современников Дженкинсона уже был солидный опыт исследовательских экспедиций. Столетие, прошедшее со времен Генриха Мореплавателя, не только обогатило технические средства прикладной географии, но и выработало ее новый символический язык. Эта эпоха настолько подняла престиж географии, что позволила ей выделиться из теоретической космографии в качестве самостоятельной дисциплины, обладавшей исключительной практической ценностью⁴⁷.

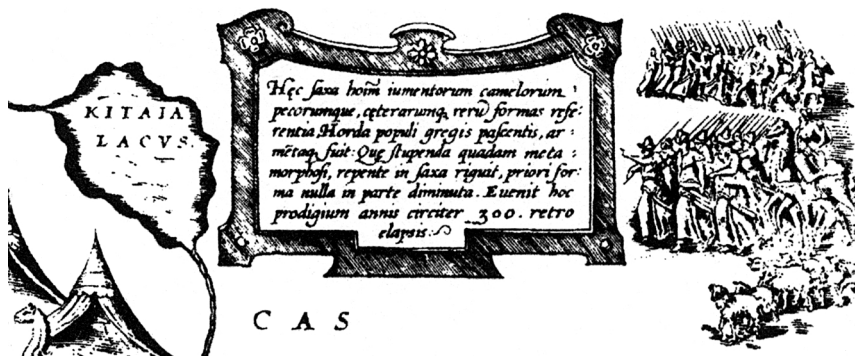
Получив, наконец, возможность регулярно уточнять данные топографической съемки «в полевых условиях», картографы стремительно оттачивали свое искусство. Между тем стереотипы восприятия новых земель не поддавались столь же надежной верификации, поскольку исследователи сопоставляли увиденное с образами своей внутренней субъективной реальности, где не действуют методы тематической проверки. Незнакомое они могли соотнести лишь с тем, что подсказывала память, зачастую исходя из «презумпции известного»⁴⁸, априорного убеждения в предсказуемости и узнаваемости новых реалий.

И здесь на помощь кабинетным географам пришло купечество, не столь обремененное грузом научных предубеждений. Даже стереотипы, укорененные в народном сознании, имели над купцами меньше власти, чем над их земляками-домоседами. В каком-то смысле странствующий купец был более свободен от предубеждений, чем все остальные его современники, независимо от уровня их образования.

Дженкинсону вполне были присущи все профессиональные черты средневекового торговца, но эпоха Возрождения тесно сблизила мир купчества с миром ученых, и Дженкинсон оказался одним из тех, кто активно и успешно воспользовался этим сближением.

Он уже вполне свободно владел новейшими приемами географических исследований. Однако в его работе над картой все еще сказывалась инерция средневекового научного сознания. Впрочем, и то, и другое он как прилежный ученик унаследовал у Ортелия и других авторитетных географов, с которыми поддерживали общение купцы Московской компании.

Повышенный интерес к экзотическим чудесам, изображенным в миниатюрах на карте из атласа Ортелия, и краткие описания этих диковин словно возвращают нас в эпоху красочных бестиариев. Примечания, нанесенные на карту, выдают почерк исследователя, соединяющего стремление к максимально возможной географической точности с чутким вниманием к устным свидетельствам, даже явно мифологического характера. Но и в их передаче он стремится к соблюдению точности, сообщая подробности, призванные придать известию достоверный характер, как это нередко встречалось в сред-

Илл. 3. Изображение окаменевших людей и животных на карте из атласа А. Ортелия

невековых описаниях чудесных странствий, наподобие «Плавания святого Брендана».

Так, среди комментариев, нанесенных на карту из атласа Ортелия, мы находим краткое изложение легенды о происхождении удивительного скального массива, лежащего восточнее Урала, в землях, которые самому Дженкинсону посетить не удалось (илл. 3): «Скалы эти, напоминающие облик людей, вьючных животных (верблюдов), прочего скота и других предметов, были собранием людей, пасущимся стадом и табунами. Вследствие некоей изумительной метаморфозы, они внезапно обратились в камни, ничем не изменив своей прежней формы. Это чудо совершилось около 300 лет тому назад»⁴⁹.

Автор этого комментария обращается к просвещенному собеседнику на языке, характерном еще для средневековой научной традиции. А ей вполне было присуще стремление подчинять чудесные явления законам логики и, по возможности, втискивать их в четкие рамки хронологии. Хотя, по замечанию Жака Ле Гоффа, «при таком подходе чудесное... полноценное существование которого возможно только при остановке времени и истории, постепенно сводится на нет»⁵⁰.

Между тем на страницах своего отчета Дженкинсон почти не уделяет внимания каким-либо сверхъестественным явлениям. Лишь однажды он упоминает о гадании, которое сулило его спутникам по каравану нападение разбойников и победу над ними. «Я и мои товарищи не поверили этому колдовству; но все оказалось верным», – сухо констатирует путешественник⁵¹. В другой раз, оказавшись в землях Ширвана, он дословно записывает легенду о великане, обитавшем на одной из здешних гор и побежденном местным святым. В той же отстраненной манере Дженкинсон сообщает, что, по рассказам,

у великана «на голове было два больших рога; уши и глаза его были лошадиные, а хвост коровий»⁵².

Показательно, однако, что в обоих случаях он не желает ни принять эти факты на веру, ни отместить их как лишённые смысла. Он предпочитает оставить записанные свидетельства без поспешного анализа. Он лишь фиксирует факты, возможно, превосходящие его понимание, но дополняющие тот объёмный образ мира, который ещё только выстраивается в умах его современников. Для Дженкинсона вполне характерна оговорка: «Впрочем, правда это или нет – я оставляю до дальнейших исследований»⁵³.

Но если мы вспомним, с какой бережностью Сигизмунд Герберштейн сохранял устные рассказы о фантастическом существе «баранце» – полурастении, полуживотном⁵⁴, то за этой мнимой «всеядностью» мы обнаружим явное стремление к передаче цельной и полноцветной картины мира. Такое внимание к непроверенным устным сообщениям отражало лишь глубокое доверие к Создателю мира, о чем прямо говорил французский философ и путешественник Гийом Постель, поведавший Герберштейну о существовании загадочного «баранца»: «Так как это не противоречит рассказам других, то к вящей славе Творца, для которого все возможно, я почти убежден в том, что это не просто выдумка»⁵⁵.

И все-таки сюжетика миниатюр на карте из атласа Ортелия, так же, как и характер комментариев к ним, выдают если не чужую руку, то постороннее для Дженкинсона влияние. Ни одна из диковинок, изображенных и описанных на карте, не упоминается в тексте его отчетов. Зато о легендарной «золотой бабе» – идоле, якобы стоящем в устье Оби (илл. 4) – еще в 1549 г. подробно рассказывал Сигизмунд Герберштейн, который охотно собирал такие свидетельства и не желал «ничего опускать, предоставляя другим больше свободы в толковании сих вещей»⁵⁶. К тому же изображения «золотой бабы» всплывают на самых разных картах России середины XVI в., изданных в Западной Европе незадолго до появления атласа Ортелия, в том числе и на карте С. Герберштейна 1556 г.

Нам не известно, кто именно готовил карту Дженкинсона к публикации в упомянутом атласе 1570 г. Однако, по утверждениям исследователей, обычай украшать карты миниатюрными рисунками был присущ нидерландским граверам и совсем не был характерен для англичан⁵⁷. Следовательно, мы вправе предположить, что сам Дженкинсон имел лишь косвенное отношение к оформлению этой карты. Таким образом, и подписи под миниатюрами также могли принадлежать Абрахаму Ортелию, даже если были основаны на сообщениях путешественника.

Илл. 4. Изображение “золотой бабы” на карте из атласа А. Ортелия

В текстах, вышедших из-под руки самого Дженкинсона, сквозит очень предметный интерес к окружающему. Однако его острый и вовсе не приземленный ум был не слишком обременен наследием средневековой научной мысли. Его подробный отчет скорее напоминает донесение секретного агента, каковым он и являлся для своих компаньонов и королевы. Не меньше дорожили его беспристрастными свидетельствами и профессиональные географы, подобные Ортелию.

В середине XVI в. объемы накопленных ими сведений приводят к качественным переменам в картографии. Обычай добросовестно отображать на картах неизученные «белые пятна» на время уступает совсем иному подходу. Более плотное знакомство с новыми землями пробуждает у европейских географов стремление максимально заполнять поверхность карт полезной информацией. Широко распространение получают богато иллюстрированные карты, не терпящие никакой пустоты, где наряду с привычными обозначениями городов или деталей ландшафта все чаще появляются миниатюрные жанровые сценки, а также изображения экзотических и фантастических животных. При этом картографы, как правило, вытесняют подобную «фауну» на периферию изученного пространства, занятого географическими названиями и другой словесной информацией.

Таким образом, стремясь к полноте описания и старательно избегая «белых пятен», создатели карт насыщают эти области рисунками, изображая здесь то, чему еще нет названий, но что действительно требует осмысления. Пустынные пространства океана и неизученные участки суши становятся своего рода «экраном», на который проецируются субъективные, а порой и фантастические, образы новых реалий, не поддающиеся пока точной вербализации.

Этот всплеск иллюстративности в европейской картографии приходится на середину XVI в. и постепенно сходит на нет к середине XVII в. По времени он вплотную следует за эпохой первых заокеанских экспедиций и, как можно предположить, порожден наплывом новых впечатлений, приобретенных в этих путешествиях.

Сведения, собранные в те годы, носили зачастую отрывочный характер и не всегда складывались в стройную картину. Подобная дробность восприятия была весьма характерна для состояния умов на переломе эпох, когда картография, условно говоря, переживала эволюцию от схематизма схоластического к современному – топографическому – схематизму. Если средневековая схоластическая космография основное внимание уделяла идеальной структуре мира, то теперь предпочтение отдавалось его детальной фактуре. В сущности, средневековые схемы мироздания сходны с картами Нового времени не более, чем иконопись с живописью Ренессанса. Ведь именно тогда европейская наука – и культура в целом – сделали решающий выбор между двумя разными способами восприятия действительности и ее образной интерпретации. И именно это сравнительно недолгое пребывание в состоянии свободного выбора определило многоплановость информации, совместившейся на картах XVI–XVII вв.

Так, на карте Дженкинсона из атласа Ортелия условное топографическое видение мира легко уживается с образным мифопоэтическим, подобно тому, как на современных физических картах воображаемая сеть координат накладывается на символическое обозначение рельефа.

Целая гамма образов мира, слитых по воле Ортелия в одну объемную картину, отражает, судя по всему, те глубинные перемены, что уже происходили в сознании образованных европейцев ко времени, когда Дженкинсон взялся за создание своей карты. И независимо от того, принадлежала манера ее оформления нидерландскому географу или самому английскому купцу, круг общения, несомненно, накладывал отпечаток на стиль мышления последнего. Та же самая широта взглядов и гибкость в выборе средств угадывается и в действиях Дженкинсона во время его путешествий.

Интеллектуальная среда, в которой вращался Дженкинсон, переживала момент переосмысления модели мира, в которой отныне

представление о существовании некоего культурного или духовного центра мира постепенно вытесняется сугубо астрономическими точками отсчета, т.е. Северным и Южным полюсами. Таким образом, физическая ось вращения планеты в прикладном плане становится гораздо более значимой, нежели осевые сакральные центры прошлого. При этом путешествие утрачивает характер духовной практики, своего рода восхождения, на смену которому приходит целенаправленная экономическая, политическая и культурная экспансия европейских народов, зачастую сочетающаяся со снисхождением к носителям иных традиций.

Идея шарообразности Земли, широко распространенная в науке Средних веков⁵⁸, в эпоху Великих географических открытий нашла, наконец, практическое подтверждение. Однако, получив его, путешествующие европейцы вовсе не спешили воспользоваться тем этическим и духовным зарядом, который содержала в себе эта идея.

Сфера традиционно именуется идеальной формой в трудах античных и средневековых авторов. В качестве основного принципа организации мироздания сферу рассматривает и Николай Кузанский, в трудах которого «Об ученом незнании» (1440)⁵⁹ и «Игра в шар» (1463)⁶⁰ сформулирована сферическая модель Творения, все элементы которого логически восходят к Творцу как к своему единому центру.

Но большинство путешественников той эпохи еще не были готовы видеть и принимать следствия, вытекающие из такой модели. В своих представлениях они оставались крайне далеки от целостного образа мира как сообщества равноценных партнеров, рассеянных по земному шару, где каждая личность уподобляется отдельной державе⁶¹. И по мере того как средневековый образ путешествия как внутреннего восхождения постепенно отмирает, ему на смену приходит вовсе не новое – «сферическое» – мироощущение более высокого порядка. Напротив, происходит откат к более элементарному, линейному и прагматическому восприятию передвижений в пространстве. А этот подход превращает путешествия Нового времени в своеобразное «нисхождение» от традиционных центров европейской культуры к культурной периферии, воспринимаемой как поле для дальнейшей экспансии.

Таким образом, еще накануне эпохи Великих географических открытий жители Старого Света имели в своем распоряжении и технические средства для преодоления океанских пространств, и достаточно сложные философские модели для адекватного восприятия новой действительности. Но большинство европейцев, как показало время, ограничились освоением технических новшеств.

Между тем сведения, собранные в пути Энтони Дженкинсоном, будет все-таки правильнее описать средневековым английским термином «*logé*» («премудрость»), нежели бэконовским «*knowledge*» («знание»). При том, что тексты Дженкинсона – не научный труд, а отчет торгового агента, в них он обнаруживает живой интерес к любым проявлениям незнакомой культуры. Порой они лишены практической ценности в глазах торговца, однако просвещенному путешественнику они дают ключ к пониманию внутренних законов местной жизни.

Управляющие компании никогда не давали Дженкинсону жестких инструкций, доверяя его опыту купца, ученого и дипломата. В записке, врученной ему в мае 1561 г., накануне его второго посольства в Россию, было оговорено: «Зная вашу испытанную мудрость, вашу опытность и вашу тщательность и усердие в успешном исполнении... всего, что вы предпринимаете, мы передаем все наши дела по выше-сказанному предприятю всецело на ваше усмотрение, моля Бога послать вам успех»⁶².

В чуждой социальной среде самые обыденные для путешественника модели поведения могли оказаться не только бесполезной, но и смертельно опасной обузой. В таких обстоятельствах удачная импровизация часто была единственной опорой путешественника. Для человека Возрождения, вырванного из своей культурной среды на время долгой экспедиции, поиск устойчивых объективных ориентиров, как географических, так и духовных, становился серьезной практической задачей. От его личного ответа на эти вопросы часто зависел успех всего предприятия. Недаром в эпоху Великих географических открытий сопоставление Библии с компасом и другими навигационными приборами становится общим местом в европейской культуре.

Тем не менее в инструкции участникам экспедиции в Китай, составленной Себастьяном Кэботом в 1553 г., в интересах безопасности запрещается «сообщать какому бы то не было народу сведения о нашей религии, но предлагается обходить этот вопрос молчанием и не высказываться о ней, делая вид, что мы имеем те же законы и обычаи, какие имеют силу в той стране, куда вы приедете»⁶³. Кроме того, участникам экспедиции настоятельно не рекомендуется верить «ласковым словам иностранных людей, могущим оказаться лукавыми и лживыми», стараясь при этом «не раздражать народы надменностью, насмешками и презрением»⁶⁴.

Проявляя скорее осмотрительность, чем терпимость, участники первых английских экспедиций на Восток своей задачей ставили прежде всего сбор информации. Энтони Дженкинсон как лицо, представляющее свое королевство и свой народ при дворах восточных пра-

вителей, уже не слишком скрывает собственные религиозные убеждения. Порой он даже позволяет себе открыто выражать свою позицию, прибегая к простым символическим жестам. Еще в 1559 г., возвращаясь из Средней Азии, он записал в дневнике: «Во время нашего плавания по морю мы подняли флаг с красным крестом св. Георгия в честь христиан; я думаю, что в Каспийском море его никогда до того не видели...»⁶⁵.

Впрочем, по роду службы Дженкинсон был обязан находить точки соприкосновения с носителями иных традиций. Чуждый миссионерских побуждений, он готов был в интересах дела считаться с местными обычаями, однако не спешил их одобрять. Так, Дженкинсон отмечает в отчетах, что «персы красивы и хорошо сложены; они горды, храбры и считают себя лучшим из народов, как по своей вере и благочестию, что совершенно ошибочно, так и по другим своим свойствам»⁶⁶. Очистительные обряды шахского двора, применяемые к нему, как и к другим иноверцам, он наблюдает с явным неудовольствием. Позднее он оплатит персам той же монетой и запишет в путевом дневнике, что «они считают неверными и язычниками всех, кто не верует, подобно им, в их ложных и грязных проколов»⁶⁷.

Тем не менее, стремясь угодить и собственной совести, и нетерпимому собеседнику, Дженкинсон умел порой выразить свою позицию в форме рискованного парадокса, как случилось на приеме у персидского правителя Тахмаспа, где английский посланник заявил: «Я не неверный и не мусульманин, а христианин»⁶⁸, приведя этим шаха в легкое замешательство и разрядив таким образом обстановку.

Разумеется, строя отношения с чужеземцами, Дженкинсон куда больше внимания уделял их деловым качествам, чем согласию в вопросах веры. На собственном опыте он сумел выяснить, что кратчайший путь к взаимному доверию – совместное решение проблем. Когда в декабре 1558 г. его караван, шедший в Бухару, подвергся нападению разбойников, бой приняли сорок купцов, способных держать оружие. Среди них было и несколько англичан. Дженкинсон вспоминал, что перед сражением «все вместе мы помолились каждый по своей вере, поклявшись жить и умереть всем сообща, и таким образом приготовились»⁶⁹. Вскоре им пришлось убедиться в надежности этих клятв, когда их парламентар, уважаемый местными купцами мусульманский праведник, был захвачен в заложники. Он не проронил ни слова на допросе, отказавшись признать под угрозой смерти, что в караване есть «неверные», которых разбойники требовали выдать вместе с их товарами⁷⁰.

Личные качества Дженкинсона, несомненно, сыграли решающую роль в успехе его экспедиций. Торговля в исламском мире пре-

бовала от правления Московской компании большой осторожности в подборе агентов. Всего через два года после путешествия Дженкинсона в Персию слабые ростки взаимного доверия между английскими купцами и местными жителями, посеянные Дженкинсоном, оказались под угрозой по вине торгового агента Ричарда Джонсона, склонного к пьянству – пороку, вызывавшему крайнюю неприязнь в мусульманских странах. Участник второй персидской экспедиции 1563–1565 гг. Ричард Чини в своей записке правлению компании отзывался об экспедиции Джонсона 1565–1567 гг. в самых резких выражениях: «Лучше было бы, если бы его путешествие не состоялось. Ведь раньше мы имели среди этих язычников славу купцов, равных которым нет во всех отношениях, а его порочная жизнь в Персии заставила тамошних жителей считать нас хуже русских... Но если торговые сношения устанавливаются мудрыми и осторожными людьми, тогда вам стоит их вести»⁷¹.

Да и спутник Джонсона Артур Эдвардс в письме из Шемахи от 26 апреля 1566 г., адресованном правлению компании, вынужден был заметить: «Русские огорчены тем, что мы ведем торговлю в здешних странах, потому что нас больше любят, чем их; здешний народ ненавидит русских за их склонность к пьянству. Желательно, чтобы здесь на вашей службе не было никого, кто бы предавался этому пороку, и чтоб ваш главный агент мог бы управлять и владеть собой во избежание того, чтоб ему или нам не были приписаны какие-нибудь бесчестные поступки»⁷².

Если кто-то и пользовался в глазах Джонсона бесспорным авторитетом, так это Энтони Дженкинсон⁷³. В России и Персии Дженкинсона также вспоминали с неизменной симпатией, выражая надежду на новые встречи с ним во время последующих посольств⁷⁴.

Однако вторую половину жизни Дженкинсон почти неотлучно провел в Англии, занимаясь делами Московской компании и участвуя в подготовке новых экспедиций. В купеческих кругах он еще долго пользовался исключительным влиянием благодаря своему экспедиционному опыту и умению сочетать в пути новейшие технические средства с лучшими традициями межкультурного диалога.

Между тем молодые агенты компании постепенно утрачивали преимущества, добытые Дженкинсоном в России за годы путешествий, и многие его начинания остались незавершенными. В итоге лондонские купцы лишились права на транзитный проезд в Персию, который делал Англию полноправной соперницей Венеции и Португалии на Ближнем Востоке, – права, которым вплоть до начала XVII в. британцы дорожили едва ли не больше всех остальных привилегий в русском государстве.

Успехи Энтони Дженкинсона в немалой степени объяснялись особым искусством диалога, которым он владел в совершенстве и с помощью которого сумел положить начало культурному, политическому и экономическому взаимодействию целых народов, разделенных пространством и глубоким различием традиций. Дженкинсон, по сути, сыграл роль добровольного посредника между народами Англии, России и стран Востока, способствуя их сближению на почве практической пользы. Неудивительно, что именно ему выпала честь ближе других английских купцов середины XVI в. продвинуться к их заветной цели – землям Индии и Китая.

Охотно используя в путешествиях новейшие возможности науки, Энтони Дженкинсон все-таки в первую очередь оставался купцом. Однако практический склад ума и необычайно открытое, восприимчивое сознание помогли ему не только успешно выполнить задачи, поставленные компанией, и завоевать доверие жителей незнакомых стран, но и представить научному сообществу взвешенную и весьма достоверную картину увиденного, мало искаженную предрассудками как фольклорного, так и книжного происхождения.

В эпоху, когда новые традиции землеописания складывались буквально на глазах, прежнее символическое видение окружающей действительности могло мирно уживаться с новым, реалистическим, не только на географических картах, но и в сознании ученых. Это многообразие канонов восприятия предоставляло редкую свободу в обращении с окружающей реальностью. Тем большее удивление вызывает та глубокая вера в разумное устройство мира, та особая тренированность ума, настроенного на восприятие разнородных планов бытия, и та готовность, с которой люди действия, подобные Дженкинсону, совершали активные практические шаги на столь зыбкой и подвижной интеллектуальной почве, становясь в конечном счете ее главным связующим элементом.

¹ Английские путешественники о Московском государстве в XVI в. / Под ред. Ю.В. Готье. Л., 1939. С. 67–68.

² Толстой Ю.В. Обзор первых сорока лет сношений между Россией и Англией. СПб., 1875. С. 25; Послания Ивана Грозного / Под ред. Д.С. Лихачева и Я.С. Лурье. М.; Л., 1951. С. 330–332.

³ Английские путешественники... С. 200.

⁴ Послания Ивана Грозного. С. 141, 331.

⁵ Горсей Дж. Записки о России XVI – начало XVII в. М., 1990. С. 68, 183.

⁶ Послания Ивана Грозного. С. 140–142, 330–332; Английские путешественники... С. 221.

⁷ Английские путешественники... С. 213.

⁸ Там же. С. 203.

⁹ Hakluyt R. The Principal Navigations, Voyages and Discoveries of the English Nation. L., 1598.

- 10 Английские путешественники... С. 35.
- 11 Там же. С. 176.
- 12 Там же. С. 76.
- 13 Там же. С. 193.
- 14 Там же. С. 194.
- 15 Там же. С. 171.
- 16 *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 117–118; *Флетчер Дж.* О государстве Русском // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 150.
- 17 Английские путешественники... С. 64.
- 18 *Майерберг А.* Путешествие в Московию барона Августина Майерберга в 1661 г. // Чтения Императорского общества истории и древностей российских. 1873. № 3. С. 111–112.
- 19 *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 74.
- 20 Там же. С. 150–151.
- 21 Там же. С. 74, 117–118, 121, 151; *Флетчер Дж.* Указ. соч. С. 67–69; *Турбервилль Дж.* Стихотворные послания-памфлеты из России XVI века // *Горсей Дж.* Указ. соч. С. 253, 259; *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. М., 1996. С. 187, 193–197, 201, 207–208.
- 22 Английские путешественники... С. 59–60.
- 23 Там же. С. 79.
- 24 Там же. С. 172, 176.
- 25 *Турбервилль Дж.* Указ. соч. С. 245–275.
- 26 Там же. С. 257 (приведен подстрочный перевод).
- 27 Английские путешественники... С. 78.
- 28 Там же. С. 171.
- 29 Там же. С. 185.
- 30 Там же. С. 179.
- 31 Там же. С. 173, 181.
- 32 Там же. С. 180.
- 33 Там же. С. 186.
- 34 Там же. С. 187.
- 35 *Taylor E.G.R.* The Mathematical Practitioners of Tudor and Stuart England. 1485–1714. Cambridge, 1954. P. 19–20, 170.
- 36 Английские путешественники... С. 180.
- 37 *Борисовская Н.А.* Старинные гравированные карты и планы XV–XVII веков. М., 1992. С. 30.
- 38 Английские путешественники... С. 189.
- 39 *Багров Л.* История русской картографии. М., 2005. С. 143.
- 40 «Камбалик» – столица Китая в представлениях европейцев до XVI в. включительно; от монгольского названия Пекина – «Ханбалык», т.е. «город хана» (см.: Английские путешественники... С. 301).
- 41 Английские путешественники... С. 307.
- 42 *Багров Л.* Указ. соч. С. 143–145.
- 43 *Рыбаков Б.А.* Русские карты Московии XV – начала XVI вв. М., 1974. С. 36.
- 44 *Багров Л.* Указ. соч. С. 143–148.
- 45 Там же. С. 96–103.
- 46 Там же. С. 142–148.

-
- 47 Райт Дж.К. Географические представления в эпоху крестовых походов. М., 1988. С. 123.
- 48 Харитонович Д.Э. *Mundus novus*. Первозданная природа глазами человека эпохи Возрождения // Природа в культуре Возрождения. М., 1992. С. 109.
- 49 Английские путешественники... С. 307.
- 50 Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М., 2001. С. 52.
- 51 Английские путешественники... С. 180.
- 52 Там же. С. 205.
- 53 Там же. С. 206.
- 54 Герберштейн С. Указ. соч. С. 180.
- 55 Там же.
- 56 Там же. С. 160.
- 57 Багров Л. Указ. соч. С. 145.
- 58 Райт Дж.К. Указ. соч. С. 140–143.
- 59 Николай Кузанский. Соч. М., 1979. Т. 1. С. 66–68, 82–84, 86–88, 138–139.
- 60 Там же. М., 1980. Т. 2. С. 254–255, 258–259, 271, 276, 286.
- 61 Там же. С. 271–272.
- 62 Английские путешественники... С. 197.
- 63 Там же. С. 34.
- 64 Там же. С. 35.
- 65 Там же. С. 187.
- 66 Там же. С. 213.
- 67 Там же. С. 208.
- 68 Там же. С. 209.
- 69 Там же. С. 180.
- 70 Там же. С. 181.
- 71 Там же. С. 218.
- 72 Там же. С. 225.
- 73 Там же. С. 233.
- 74 Послания Ивана Грозного. С. 140–142, 330–332; Английские путешественники... С. 221.